

Глава 10. Давно не виделись

Сакумо оцепенело сидел на деревянной скамье во внутреннем дворе старого поместья Хатаке. Он медленно водил сухим, утомлённым взглядом по саду — казалось, в каждом уголке до сих пор мелькала тень Какаси.

Вот Какаси стоит под пышным деревом возле задней калитки. Каждый год в день рождения сына Сакумо подводил его к этому стволу, чтобы отмерить рост, и делал насечку остриём куная. Отметки с каждым годом поднимались всё выше, но мальчик вечно оставался недоволен, ворча, что он так и не перерос Обито. Лишь к девятнадцати годам, так и не обогнав приятеля, но сравнившись ростом с самим Сакумо, Какаси наконец успокоился.

Вот Какаси бежит по маленькому тренировочному полигону. С пяти лет, пока он находился в Конохе, утренняя отработка техник владения мечом оставалась его нерушимым ритуалом. Он вставал даже раньше отца. Стоило Сакумо раздвинуть шторы, как он тут же видел сына, обливающегося потом: в детстве тот сражался с простым деревянным манекеном, окрепнув — тренировался со своим тeneвым клоном. Алые лучи утреннего солнца играли на серебре волос и лезвии клинка.

А вот Какаси сидит на краю небольшого пруда в углу сада. Отец и сын обожали рыбу и часто ходили на рыбалку к речке у самых границ Конохи. Улов порой выходил настолько богатым, что после раздачи соседям остатки запускали прямо в этот пруд. На детские годы Какаси пришлось сразу две Великие войны ниндзя. Сакумо, будучи одной из главных боевых сил деревни, месяцами отсутствовал дома. Мальчик рано научился жить самостоятельно. И тогда, возвращаясь с передовой — израненный, измождённый, — Белый Клык находил силы шагать день и ночь лишь благодаря одной мысли: дома его ждёт горящий свет в окне, парящая свежая рыба на столе и звонкая улыбка сына.

Но теперь ничего этого не осталось.

Сакумо смотрел на привычный пейзаж, и ему казалось, будто дерево, пруд и полигон увяли, высохли и умерли вместе с Какаси. От одного взгляда на сад душу сковывал смертельный холод. Переступить порог дома было ещё страшнее: там обитало куда больше призраков. На столе всё ещё лежала раскрытая книга, которую сын читал прошлым вечером, на балконе сушилось бельё, а в холодильнике ждали своего часа две неприготовленные сайры. Стоило взглянуть на эти вещи, как сознание туманилось, и перед глазами всплывала знакомая фигура, привычно наводящая в доме идеальный порядок.

Ощущение непоправимой утраты едва не сводило с ума. Сакумо понимал, что не должен поддаваться слабости. Он был ниндзя с десятками лет службы за плечами и давным-давно усвоил, что в их ремесле лишь один из десяти доживает до седины. Он всегда был готов к тому, что любой из них может отдать жизнь за деревню. Но он и помыслить не мог, что этот день настанет так быстро и внезапно, а сын уйдёт раньше отца.

Белый Клык Конохи судорожно вздохнул и уткнулся лицом в ладони.

Вокруг царила мёртвая тишина.

— Э-э... Старший Сакумо, простите. Я долго стучал в двери, но никто не ответил... Дело не терпит отлагательств, поэтому я позволил себе войти без спроса.

Из глубины двора раздались приближающиеся шаги, и над головой прозвучал молодой голос. Сирануи Генма — ровесник Какаси. Кажется, недавно его выбрали в личную охрану Минато...

Печаль и оцепенение слетели в то же мгновение. Сакумо резко вскинул голову и поднялся на ноги:

— Четвёртый вызывает меня? Неужели... появились вести об Акацуки?

Генма отшатнулся под тяжестью его хищного, ледяного взгляда и торопливо пробормотал:

— Вас действительно ждёт господин Хокаге, но дело не в Акацуки. Обито... он скоро вернётся в деревню.

— Вот как... — Сакумо слегка опустил плечи. Мысль о том, что выпал шанс отомстить за сына, оказалась ложной, но он всё же кивнул: — Главное, что он цел.

— И он принёс вести, — добавил Генма. — Одно из известий... Какаси, вполне возможно, всё ещё жив.

Сражённый горячей вестью отец замер, не веря собственным ушам. Спустя мгновение, забыв о сдержанности, он шагнул вперёд и мёртвой хваткой вцепился в плечи молодого особого джонина:

— Это правда, Генма-кун?! Откуда ему это известно?

— Подробности сложные, господин Четвёртый не стал мне всё объяснять, — ответил Генма. — К тому же это не единственное, что узнал Обито. В общем, господин Хокаге просит вас прибыть в Башню к трём часам дня. И... подготовиться духовно.

— Обито, — вздохнул Какаси. — Мы уже подходим к Конохе. Долго ты ещё собираешься на меня дуться?

— Хм, — черноволосый Утиха лишь отвернулся, демонстративно подставив ему затылок.

— Что касается левого глаза и моего мира... Я молчу не потому, что хочу что-то скрыть, — беспомощно пояснил Какаси. — Учитель Минато и Рин всё равно спросят о том же самом. Чем пересказывать всё по два раза, не проще ли объяснить всем одновременно?

Обито косо взглянул на него. «Так я и поверил. Небось за те дни, что мы были в пути, ты успел состряпать безупречную легенду без единой прорехи».

Мысли вертелись на языке, но Обито сдержался и не проронил ни слова.

На самом деле всю дорогу он не просто дулся, а пристально наблюдал за спутником. Этот воскрешённый казался куда взрослее, искущённее и непроницаемее того Какаси, которого знал Обито. Он свято берёг тайны прошлого, тщательно подбирал слова и при малейшей попытке разузнать подробности ловко переводил разговор на другую тему, попутно вытягивая сведения из самого Обито. Быстро раскусив эту тактику, Утиха насторожился и предпочёл изобразить обиду, чтобы не сболтнуть лишнего и спокойно следить за каждым шагом спутника.

Постепенно Обито заметил: когда Какаси оставался один на один со своими мыслями, его истинные чувства проступали наружу. По мере приближения к деревне в нём всё сильнее нарастало беспокойство. Пожилой, опытный ниндзя безупречно владел своим телом и контролировал мимику, но от внимательного взгляда Обито не укрылись мелкие детали.

Из какого бы мира он ни явился, жив он был или мёртв, перед ним всё равно оставался Хатаке Какаси. А если и был на свете человек, знавший Какаси лучше всех, то Обито считал, что в этом вопросе мог потягаться даже с Сакумо.

О чём именно тревожился Какаси? За дни пути у Обито сложилась определённая догадка, которую оставалось лишь проверить.

Они шли по дороге, ведущей к главному входу. Какаси укутался в плащ Обито, низко надвинув капюшон, чтобы ни одна живая душа не разглядела черты воскрешённого. Вскоре над горизонтом поднялись гигантские деревянные ворота, и в обе стороны протянулась бесконечная стена. Лист был уже совсем близко.

— Ого... — обладая отличным зрением, Обито сразу разглядел миниатюрный силуэт у ворот и состряпал тоскливую мину. — Дело дрянь. Это Рин... Сейчас она устроит мне разнос.

Какаси резко вскинул голову. Когда его взгляд упал на Рин, его ровный шаг на едва заметное мгновение сбился — и Обито тут же это зафиксировал.

Путешественники подошли ближе. Рин тоже заметила их и с воинственным видом устремилась навстречу. Ещё издали до них донёсся её гневливый окрик:

— Утиха Обито! Ты как посмел применить на мне гипноз?!

— Всё, мне конец! — Обито вжал голову в плечи. — На этот раз она разбушевалась всерьёз!

Какаси тихо усмехнулся:

— Никогда не видел Рин в такой ярости.

— Честно говоря, я тоже.

Тем временем Рин уже подбежала к ним. Сердито уперев палец в грудь Обито, она принялась отчитывать его без остановки:

— И это говорит джонин! Ты хоть понимаешь, что самовольно покидать деревню — это прямое нарушение устава?! Исчез на целых восемь дней, ни слова не сказал, ни вести не подал! Ты хоть представляешь, как мы переживали?! Если бы господин Дзирая не убедил учителя Минато остаться в деревне и не взял поиски на себя, учитель сам бы отправился за тобой! И ты ещё заявился в логовище Орочимару... — Она осеклась, осознав неладное, и перевела недоумённый взгляд на Какаси.

Какаси поднял руку — Обито заметил, что его пальцы слегка дрожат, — и медленно откинул капюшон, открывая лицо. Встретившись взглядом с кареглазой девушкой-ниндзя, чьи глаза расширились от изумления при виде тёмных белков и разномастных зрачков, воскрешённый замер. В его выражении смешались радость и боль, облегчение и глубокое раскаяние. Но прежде чем Обито успел разобрать эти эмоции, они исчезли за привычно прищуренными глазами-полумесяцами.

— Здравствуй, Рин, — мягко произнёс воскрешённый. — Надеюсь на твоё покровительство, пока я нахожусь в этом мире.

Рин ошеломлённо уставилась на него, потеряв дар речи. Обито слегка подтолкнул её в плечо, возвращая к реальности.

— Зд... здравствуй! Очень... очень приятно, — она споткнулась на слове, но, сочтя тон чересчур холодным, тут же попыталась улыбнуться: — Учитель Минато немного рассказывал о тебе. Извини, что пришлось втянуть тебя во все эти неприятности.

— Не стоит благодарности, — улыбнулся в ответ Какаси. — Я рад, если могу быть полезен. Скорее уж это я обуза для вас в моём нынешнем положении.

— Э-э... Спасибо. Тебе правда не за что извиняться, — его вежливая, отстранённая манера держать дистанцию сбила Рин с толку, и ей пришлось ответить столь же сухим светским тоном.

«Первое предположение подтвердилось», — подумал Обито. Покашляв, он разбил неловкую паузу:

— Давайте быстрее пойдём в Башню Хокаге. Учитель Минато всё ещё ждёт?

— А, точно! За мной, — Рин развернулась и пошла первой, но через пару шагов оглянулась и одарила Обито суровым взглядом: — Мы ещё не закончили, даже не думай выкрутиться!

Троица подошла к воротам. Благодаря письменному распоряжению Хокаге, которое предъявила Рин, стражники не стали допрашивать Какаси и беспрепятственно пропустили их. Идя по главной улице, ведущей к Башне, Обито заметил, как Какаси украдкой разглядывает окружение.

— Сильно отличается от твоего мира? — спросил Обито.

Какаси помедлил с ответом:

— Пожалуй.

— Пожалуй?

— Когда я... покидал тот мир, там шла война. Деревня была почти разрушена... и многие товарищи погибли.

Обито вздрогнул, его лицо стало серьёзным. Шедшая впереди Рин тоже обернулась.

— Из-за того парня по имени Пейн?

— Да, — тихо отозвался Какаси. — Поэтому я не могу позволить Тоби принести такие же бедствия в этот мир... Во что бы то ни стало, его нужно остановить.

Обито чутьём уловил скрытый подтекст в его словах, но серебряноволосый шиноби ясно дал понять, что развивать тему не намерен. Они вошли в Башню Хокаге, поднялись по лестнице и пошли по круговому коридору к кабинету. Рин постучала в дверь.

— Войдите, — тут же отозвался голос изнутри.

Рин уже собиралась толкнуть дверь, но Обито перехватил её руку. Переглянувшись с ней, он отступил в сторону и посмотрел на Какаси:

— Давай ты.

Какаси удивлённо взглянул на Утиху, но отказываться не стал. Он протянул руку и взялся за дверную ручку так же собранно и серьёзно, словно сжимал эфес меча. Повисла короткая

пауза, после чего он нажал на рычаг и зашёл внутрь.

Минато стоял у окна, глядя на улицу — должно быть, заметив их приход заранее. Он обернулся и, увидав вошедшего первым гостя, на миг обомлел, но тут же мягко улыбнулся:

— Ты, должно быть, Какаси из другого мира? Рад знакомству.

Какаси молчал. Спустя мгновение он снял капюшон, открывая лицо перед Минато, и произнёс с глубоким почтением:

— Так и есть. Для меня честь видеть вас, Четвёртый Хокаге-сама.

Услышав официальное обращение, Минато чуть приоткрыл глаза, а улыбка на его губах угасла. Ничего не сказав, он лишь понимающе кивнул:

— Обито в своём докладе кратко изложил твою историю. Он упомянул, что ты обладаешь ценными сведениями об Акацуки и опытом боя с использованием Мангекё Шарингана. — Его взгляд ненадолго задержался на шраме над левым глазом Какаси и тут же вернулся к лицу.

— Так и есть, — Какаси вытянулся в струнку. — Я готов сделать всё, что в моих силах. Жду ваших распоряжений.

Улыбка окончательно сошла с лица Минато. На лбу пролегла печальная складка; казалось, на миг он хотел отбросить статус правителя и обратиться к парню не как Хокаге, а как наставник. Но, помявшись, передумал и лишь горько усмехнулся:

— Не нужно такой строгости. Разумеется, мне хочется поскорее перейти к делу, но первым делом нужно решить вопрос с твоим размещени...

Из коридора раздался робкий стук.

— А вот и он, — повеселел Минато, глянув на настенные часы. — Войдите!

Дверь снова открылась, и на пороге прозвучал усталый голос:

— Четвёртый, ты звал ме...

Сакумо застыл на полуслове, разглядев обстановку в кабинете. В то же мгновение Какаси, стоявший до этого по стойке «смирно», одеревянел. Пальцы его рук судорожно сжались в кулаки. Он замер с полуоткрытым ртом, а его растерянный, дикий взгляд метался по окну напротив. Он выглядел совершенно беспомощным, выбитым из колеи и полностью утратившим

способность контролировать себя.

Не будь его тело лишь созданием Нечестивого воскрешения, присутствующие наверняка увидели бы, как по его лбу катится холодный пот, как судорожно вздымается грудь, и услышали бы, как бешено колотится его сердце.

Заметив это, Обито тяжело вздохнул. «Так я и знал».

На всём пути от деревни Скрытого Звука Обито, хоть и выведал у Какаси немало сведений, нарочно избегал любых упоминаний о Сакумо. Он решил: если Какаси сам спросит об отце, он ответит честно. Но если тот промолчит — он сделает вид, будто этого человека вовсе не существует. За всё время Какаси спрашивал про Рин, Минато, Кусину и даже про клан Утиха, но ни разу не обмолвился о Сакумо. Это с самого начала наводило на мрачные мысли, хотя Обито до последнего надеялся на лучшее.

Но теперь, глядя на полный смятения облик Какаси, Обито больше не мог тешить себя иллюзиями. Вспомнив, с какой подчёркнутой отстранённостью тот держался с Рин и Минато... на душу Обито лёг тяжёлый камень.

В кабинете воцарилась звонкая тишина. Какаси неподвижно стоял на месте, будто душа его покинула фальшивую оболочку. Сакумо же замер в дверях, поражённо разглядывая знакомый и одновременно чужой силуэт. Его губы дрожали, но он не мог вытолкнуть ни слова.

Прошло немало времени, прежде чем Какаси медленно, с трудом повернулся.

Их взгляды встретились. Сакумо судорожно вздохнул:

— Ты...

— Давно не виделись, от... — пробормотал Какаси. На полуслове он осёкся и крепко зажмурился.

А когда снова открыл глаза, глубокая, рвущая душу боль исчезла без следа.

—...Прошу прощения за бестактность. Приятно познакомиться, господин Сакумо.

Деревня Скрытого Дождя. База Акацуки, самый нижний уровень, комната Тоби.

Пленник, доставленный сюда несколько дней назад, занимал единственную в комнате кровать.

Серебряноволосый спецназовец лежал с обнажённым торсом, его грудь была туго перебинтована, а нижняя часть тела укрыта одеялом. Запястья рук, сложенных на животе, сжимали стальные кандалы с короткой, тридцатисантиметровой цепью.

Он лежал с закрытыми глазами, погружённый в глубокий сон. Лицо оставалось бледным, но к нему хотя бы вернулись живые краски.

Пространство перед кроватью бесшумно закрутилось спиралью, и из воздуха возник силуэт Тоби. Постояв мгновение, он бесшумно приблизился и осторожно присел на край матраса.

Утиха Обито вглядывался в лицо Хатаке Какаси из этого мира.

Перед глазами всплыли кадры недавней стычки у реки. По правде говоря, тогда он не собирался убивать молодого Обито — лишь хотел преподать обнаглевшему юнцу хороший урок. Он заранее поручил Кисаме отвлечь Итачи и Какаси, а чёрный штырь хоть и не уложил Сисуи насмерть, но тяжело ранил его, лишив возможности действовать. Тоби казалось, что всё под контролем. Но среди тысяч расчётов он не учёл одного: Какаси овладел Техникой Летящего Бога Грома.

Тот устремился прямо на него, подставив собственную грудь под чёрный штырь — только ради того, чтобы вогнать Райкири прямо в сердце врага.

Тоби тогда попытался уклониться. И у него почти получилось: штырь сместился на какие-то доли миллиметра, задев сердце Какаси, но не задев самый критический узел; сам же Райкири пришёлся в правую половину тела Тоби, состоящую из клеток Зетсу, — повреждение несерьёзное, которое можно было легко исправить.

Однако тот всплеск дикого ужаса до сих пор эхом отзывался в груди, заставляя сердце сжиматься. Но вместе с испугом в нём родилось и нечто иное — странное, труднообъяснимое чувство.

Да. Именно таким он и представлял себе взрослого Какаси. Мягким и непреклонным, гордым и могущественным, способным защитить тех, кто ему дорог. Даже не познав трагедии гибели отца, он выглядел куда более статным, ярким и впечатляющим, чем в воспоминаниях Тоби.

А не тем ничтожеством, что умеет лишь говорить красивые слова, не способно сдержать ни одного обещания, не защитить ни одного товарища и просиживает дни перед Монументом павших воинов.

Тоби разглядывал черты лица перед собой, прослеживая взглядом изгиб бровей, переносицу, губы. Это лицо полностью устраивало его, но почему-то казалось, будто чего-то не хватает... Словно на левом глазу должен быть шрам...

Поддавшись порыву, он протянул руку к пленнику, словно намереваясь кончиком пальца провести невидимую черту по левому веку...

Хлоп!

Зазвенела цепь, и руку Тоби грубо отбили в сторону.

Атмосфера в комнате мгновенно накалилась.

Рука Тоби застыла в воздухе. Ниже, на кровати, Какаси распахнул глаза и ледяным, убийственным взглядом уставился на захватчика.

<http://bllate.org/book/19560/1933724>